

Глухова Н. Н., Глухов В. А.

НОВЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФИННО-УГОРСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/1-1/20.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 54-56. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Таковы только некоторые из сюжетов на страницах церковного издания, достаточно объективно рисующие картины крестьянского быта в пореформенный период.

Список литературы

Громыко М. М. Мир русской деревни. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 446 с.

НОВЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФИННО-УГОРСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

Глухова Н. Н., Глухов В. А.

Марийский государственный технический университет

На первый взгляд существование финно-угорской общности бесспорно вследствие принадлежности к единой языковой группе. Это означает, что тысячи лет назад предки финно-угров, входящих в состав уральской языковой семьи, проживали относительно близко друг от друга, говорили на одном языке и, возможно, имели единый источник происхождения. Ученые относят разделение уральской языковой семьи на финно-угорскую и самодийскую ветви к IV тыс. до н.э., предполагая, что финно-угорское единство просуществовало до III - II тыс. до н.э. По мнению исследователей, в этом периоде древние угры отошли от финно-угорского праязыкового сообщества [Хайду 1953: 290, 305, 306; Гуя 1974: 28-42; Лыткин 1974: 18- 24; Лал-лукка 1997: 43; Берецки 2000: 231-232].

С тех пор прошло немало времени, и многие финно-угорские народы живут разделенными друг от друга гигантскими территориями, в разных географических и социальных условиях, отличаясь языками, обычаями, традициями. Возникает вопрос: существует ли общность финно-угорской культуры сегодня, и, если да, то на чем она основана?

Согласно определению П. А. Сорокина, культуру в самом широком смысле слова можно трактовать как «некую совокупность, которая создана или модифицирована в результате сознательной или бессознательной деятельности двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или влияющих друг на друга своим поведением» [Сорокин 2006: 33]. П. А. Сорокин считал, что: все многочисленные взаимоотношения различных элементов культуры могут быть сведены к четырем основным типам: 1) пространственное, или механическое соседство; 2) ассоциация под воздействием внешнего фактора; 3) причинная, или функциональная интеграция; 4) внутреннее, или логико-смысловое единство [там же: 35].

Все эти четыре вида взаимоотношений приведены в порядке возрастания «силы» качества связей. Рассмотрим их по отношению к финно-угорской общности.

Большинство финно-угорских народов не являются соседями. На территории России они разделены русскими областями. Исключением являются финны и саамы, финны и карелы, ливы и эстонцы.

Ассоциация под воздействием внешнего фактора для финно-угров существует, но не для всех в равной мере. Такими факторами являются схожесть климатических и географических условий, культурная ассимиляция русскими. Но, например, венгры и саамы не имеют ни одного общего внешнего фактора, разве, что одинаковой силы гравитации.

Причинной, или функциональной интеграции между финно-угорскими народами тоже нет. Они живут независимо друг от друга, как в хозяйственном, так и в культурном отношении. Необходимые для жизни товары всегда можно получить помимо финно-угорской общности.

Внутреннее, или логико-смысловое единство между финно-уграми, безусловно, имеется, но между ними всеми в разной степени. Задача выявления этого единства чрезвычайно сложна. П. А. Сорокин по этому поводу пишет, что для определения наличия столь высокого единства или его отсутствия, наряду с этими логическими законами, следует использовать и более широкие принципы «гармоничности» внутреннего состояния. Они выражаются в терминах «последовательный стиль» или же «последовательное и гармоничное целое». Автор продолжает, что это высшее единство, не поддаваясь словесному описанию, тем не менее, ощущается как таковое компетентными знатоками, причем столь же несомненно, как если бы оно могло быть проанализировано с математической или логической точностью [Сорокин 2006: 41].

Применение математики и логики для выявления главного смысла, идеи объединяющих несколько культур чрезвычайно заманчиво, но наталкивается на ряд трудностей. Главная из них заключается в том, что любая культура чрезвычайно разнообразна, многоаспектна и является результатом длительно протекающих случайных и детерминированных процессов.

Одно из положений этой статьи заключается в том, что основные представления и сведения, отражающие обобщение опыта и выражающие отношение к действительности в любой этнической культуре, находят проявление в ее *ценностях*. Ценностью считается положительная или отрицательная (антиценность) значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в среду человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений. По отношению к человеку ценности служат объектом его интересов, а для его сознания они являются повседневными ориентирами в предметной и социальной действительности.

В качестве ценностей выступают также некоторые явления общественного сознания, выражающие эти интересы в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках и целях [СЭС 1988: 1473; Философский словарь 1981: 407].

Из самого понятия «ценность» следует, что важнее этого феномена ничего нет. Ученые различают два типа ценностных парадигм. Один из них объединяет ценности, появляющиеся на уровне *обыденного сознания*, значимые для людей в их *повседневной жизни*. Так, у каждого человека в течение его жизни образуется определенная иерархия ценностных ориентаций, определяющая, какие из ценностей для него более, а какие – менее значимы. Второй тип включает в себя парадигмы социальных ценностей и идеалов, формируемые на уровне общественной *идеологии*. Данные парадигмы определяют задачи и цели, на реализацию которых должно быть направлено *развитие общества* [Кармин, Новикова 2005: 143-144].

У любого народа его система ценностей выражается, так или иначе, через его собственное творчество – фольклор. Анализ фольклорных текстов показал, что система этнических ценностей в наиболее емкой, сжатой и лаконичной форме находит свое воплощение в пословицах и поговорках [Глухов, Глухова 2007]. Их значимость как источника информации заключается и в том, что они представляют собой аутентичный, статистически не вызывающий сомнений материал, создававшийся и собиравшийся веками на территории проживания этноса. В содержании текстов представлено художественно-философское обобщение наблюдений над всеми сферами жизни народа: общественно-исторической, бытовой, семейной и личной. Однако жанр пословиц и поговорок труден для изучения методом простого описания, поскольку каждый народ накопил их по несколько тысяч. Для выявления общности финно-угорской культуры авторы используют *системный анализ*, поскольку считают его наиболее эффективным средством в области исследовательской методологии: он удачно сочетает логику, математическую статистику и теорию систем [Спицнадель 2000: 221-227]. Нужно отметить, что одной из основных категорий системного анализа является понятие «ценность».

На начальном этапе исследования авторы использовали статистический метод, основанный на регистрации упоминаний выделенных факторов-ценностей в пословицах и поговорках без углубления в изучение их смыслового содержания. В качестве гипотезы была принята очевидная идея о том, что чем значимее для народа какая-либо ценность, тем чаще она будет упоминаться в этих текстах. Количество выделяемых для анализа групп-ценностей должно быть ограничено: чересчур малое количество (меньше трех) не будет достоверно отражать отношения этноса к многообразию жизни, чересчур большое (больше 15) – сделает последующий анализ весьма трудоемким.

Факторно-семантический анализ в рамках системного подхода, примененный к пословицам финно-угорских народов, позволил выделить из нескольких десятков видов ценностей *восемь* наиболее распространенных, т.е. значимых. При этом исследование показало, что упоминания ценностей чаще всего бывает двух видов: похвала и порицание. Вследствие этого подсчет упоминаний производился по отдельности с двумя знаками: «плюс» и «минус».

Исследование общности подразумевает установление не только качественных, но и количественных отношений между величинами. В математике с этой целью используется четыре знака: равенство, приближенное равенство, отношения больше, меньше и тождество [Гусак, Гусак, Бричикова 2002: 600]. Эти знаки пригодны для описания весьма частных, а не общих типов отношений. Значительно лучше для количественной оценки общности подходит *коэффициент линейной корреляции*, введенный в математической статистике для оценки тесноты связи случайных процессов или явлений. Достоинство этого коэффициента заключается в том, что он имеет диапазон изменения от «минус-единицы» до «плюс-единицы». Значение +1 соответствует знаку равенства и означает полную идентичность. Нулевое значение характеризует полное отсутствие общности. Значение -1 говорит о полной противоположности величин или об обратной пропорциональной зависимости между ними. Промежуточные значения дают возможность количественно оценивать степень общности величин, если они выражены в цифровом виде. Если мы имеем для сравнения n систем ценностей, а не две, то можем вычислить $n(n-1)$ коэффициентов корреляции, т.е. сравнить все системы со всеми. Такой результат представляется нам особо благоприятным, так как каждый финно-угорский народ может теперь количественно оценить степень своей общности с каждым по отдельности другим финно-угорским народом.

Главные ценности в пословицах одиннадцати анализируемых финно-угорских народов оказались одни и те же. Это: *богатство, здоровье, знания, пища, речь, семья, труд* и *этика* (ценности перечислены в алфавитном порядке). Однако дальнейший статистический и факторный анализ более 23000 пословиц и поговорок позволил выделить приоритетную, определяющую группу, в которую вошли три фактора – ценности: *Этика. Знания. Труд*. Именно их и следует принять за самое краткое выражение идеи культурной общности финно-угорского суперэтноса.

Список литературы

- Бережки Г. Уральская языковая семья // Сорочичи по языку. - Будапешт, 2000. - С. 231-238.
Глухов В. А., Глухова Н. Н. Системная реконструкция марийской этнической идентичности. – Йошкар-Ола, 2007.
Гусак А. А., Гусак Г. М., Бричикова Е. А. Справочник по высшей математике. – 4-е изд. стереотип. – Мн.: ТетраСистемс, 2002.
Гуя Я. Прародина финно-угров и разделение финно-угорской этнической общности // Основы финно-угорского языкознания. - М.: Наука, 1974. – С. 28-42.
Кармин А. С., Новикова Е. С. Культурология. - СПб.: Питер, 2005.

Лаллукка С. Восточно-финские народы России: Анализ этнодемографических процессов. – СПб., 1997.

Лыткин В. И. Общие сведения о финно-угорских языках // Основы финно-угорского языкознания. – М.: Наука, 1974. – С. 18-24.

Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1988.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В. В. Сапова. – М.: Астрель, 2006.

Спицнадель В. Н. Основы системного анализа. – СПб.: Изд. дом «Бизнес-пресса», 2000.

Питер Хайду. К этногенезу венгерского народа // Acta Linguistica. – Будапешт, 1953. – Т. II. – С. 290-310.

Философский словарь. – М.: Изд-во политической литературы, 1981.

РОСТ ВЛИЯНИЯ ЛЖЕНАУЧНЫХ ИДЕЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Гордеева И. В.

Уральский государственный экономический университет

Превращение научных знаний в непосредственную производительную силу общества, невиданные ранее в истории темпы научно-технического прогресса изменили облик современного мира в большей степени, нежели многие политические и социально-экономические потрясения последних десятилетий. Экономика современных высокоразвитых стран Запада и Востока – это экономика общества, основанного на знаниях, высоком интеллектуальном потенциале и наукоемких отраслях промышленности. Нельзя не вспомнить высказывание В. И. Вернадского о приоритетной роли научной мысли в преобразовании биосферы в ноосферное состояние и о невиданном ранее возрастании значения наук в общественной жизни всего человечества. Тем не менее, в конце XX – начале XXI вв. одним из парадоксов развития человечества стал рост интереса к паранаучным и антинаучным учениям. Повышенное внимание к всевозможным оккультным «наукам» в российских и зарубежных СМИ, художественной и «научно-популярной» литературе, а также среди значительной части населения нельзя объяснить, исходя исключительно из гносеологических причин. Очевидно, что ситуация значительно сложнее и требует детального анализа. Данная работа представляет собой, главным образом, анализ комплекса различных причин возрастания интереса к вышеупомянутым учениям, как характерных для мирового развития в целом, так и с учетом специфики российского менталитета и социально-экономической ситуации в стране.

Среди причин возрастания интереса к лженаучным концепциям в современном мире и России можно выделить следующие:

1. Разочарование в мире науки.

Согласно данным социологического исследования, проведенного в странах Европы, 63,2% опрошенных полагают, что наука несет опасные знания, а около 80% утверждают, что ученые пренебрегают этикой в процессе исследования. Еще более парадоксальными выглядят результаты проекта, объединившего исследователей из 30 стран мира с целью выяснения отношения к науке современных 15-тилетних подростков. Данные опроса выявили обратную пропорциональную зависимость между уровнем экономико-технологического развития страны и взглядами учащихся на роль науки в обществе. Наиболее негативные оценки научной деятельности были выставлены в Японии, где большинство опрошенных полагает, что потенциальный вред от научных исследований превалирует над выгодой. Таким образом, можно констатировать, что из воплощения надежд на всеобщее счастье научно-технический прогресс превратился в своего рода «пугало» постиндустриального общества, что обусловлено очередным мировоззренческим кризисом цивилизации, когда «средства массовой информации привычно оценивают международные события в терминах катастроф» [Василенко 2003: 299]. В подобной ситуации нормой становятся апокалипсические сценарии и прогнозы развития человечества. Чаще всего катастрофические сценарии связывают с 1) возможностью применения оружия массового поражения, как в мировой войне, так и локальными террористическими группами; 2) полной модификацией природы человека и превращением последнего в некоего киборга и 3) экологическим кризисом цивилизации. В любом случае в происходящем обвиняют в первую очередь науку, которая, снабдив человечество средствами к самоуничтожению, не смогла обеспечить его духовный прогресс. Кроме того, отсутствие среди специалистов какого бы то ни было единого мнения по поводу таких важных проблем как глобальное изменение климата или экологическая ситуация на планете вызывает разочарование в существовании объективных научных истин и «общеобязательности и бесспорности правильно сделанных научных выводов».

2. Повышение уровня экономических затрат на научные исследования.

Следующая причина изменения отношения к научным исследованиям отражена Ш. Л. Глэшоу в символическом заглавии «Физика элементарных частиц как бесполезная трата времени и денег» [Глэшоу 2002: 215]. Затраты на научные исследования в высокоразвитых государствах сопоставимы с годовыми бюджетами некоторых регионов. Но если прикладная наука на 60-85% финансируется заказчиками, заинтересованными в разработке той или иной темы, то фундаментальные исследования осуществляются за счет государственного бюджета, следовательно, в конечном счете, на деньги налогоплательщиков. Однако исследования в обла-